

Научная статья

УДК 94

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-3-1>

EDN: RLJOLZ

Юридическая корпорация Российской империи конца XIX – начала XX вв.: у власти, около власти, против власти

Кирилл Андреевич Соловьев

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия;

НИУ «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия,

kirillsol22@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0932-8048>

Kirill A. Solov'ev

European University at St Petersburg,
St Petersburg, Russia;

HSE University,
Moscow, Russia,

kirillsol22@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0932-8048>

Аннотация. Статья посвящена анализу характерных черт юридической корпорации в России конца XIX – начала XX в. Отмечаются сложная структура этого сообщества, механизмы его воспроизведения, особый стиль мышления. Несмотря на то, что в данное сообщество входили представители разных юридических профессий, их объединял общий университетский опыт и общее понимание права. Корпорация начала активно формироваться после Судебной реформы 1864 г., которая предоставила выпускнику университета возможность выбирать траекторию будущей карьеры. Теперь он не был обязан служить в органах власти, а потому мог выбрать в качестве сферы своей деятельности юридическую помощь обществу. Это не отменяло для юристов возможности периодически меняться ролями внутри сообщества и сохранять тесные связи друг с другом. Подчеркивается, что в системе управления Российской империи выпускникам юридических факультетов университетов принадлежало несомненное лидерство, так как лишь юристы обладали профессиональными навыками для обеспечения должного функционирования законотворческого механизма. Более того, они «солировали» и в общественных кругах, прежде всего, по той причине, что университет был своего рода «фабрикой» по производству правоведов и одновременно кузницей российской общественности. Юридическая корпорация стала ядром политического класса Российской империи во всем его многообразии. Представители этого сообщества одновременно служили в бюрократических

© Соловьев К.А., 2024

© Solov'ev K., 2024

учреждениях и создавали оппозиционные партии. Даже те, кто непосредственно не участвовал в политической жизни, своей каждодневной деятельностью формировали отношение общества к праву, путям его реализации. В значительной мере это объясняется не только институциональными, но и юридическими предпосылками для формирования юридической корпорации. К концу XIX столетия юридические факультеты столичных университетов делали многое для изживания легистского отношения к праву, так или иначе осмысляя феномен правового государства как очевидный образец. Право оценивалось не как совокупность материальность норм, а как нечто большее, вытекающее из правосознания населения, политических идеалов, характерных для общественности. В рамках такого подхода право – это своеобразная программа действий на будущее, а юрист – не хранитель и инструктор, а полноправный участник правового творчества.

Ключевые слова: юридическая корпорация, политический класс, бюрократия, Сенат, адвокатура

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00520 «За пределами «колониальности» и национализма: пространства интеграции в Российской империи (XIX – начало XX в.)»), <https://rscf.ru/project/23-18-00520/>).

Для цитирования: Соловьев К.А. Юридическая корпорация Российской империи конца XIX – начала XX вв.: у власти, около власти, против власти // *Historia provinciae – журнал региональной истории*. 2024. Т. 8, № 3. С. 759–794, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-3-1>; EDN: RLJOLZ

Legal Corporation of the Russian Empire in the Late 19th – Early 20th Century: In Power, near Power, against Power

Abstract. The article is devoted to the characteristic features of legal corporation in Russia in the late 19th – early 20th century. The complex structure of the community, the mechanisms of its reproduction, and a special style of thinking characteristic of it are particularly empathized by the author. Despite the fact that the legal community included representatives of various legal professions, they were united by a common university experience and a common understanding of law. Active stage in the formation of the corporation began after the 1864 Judicial Reform, which gave any university graduate the opportunity to choose the trajectory of their further career. From then on, a graduate was not obliged to serve exclusively in the authorities. Therefore, he could choose to provide legal assistance to society, which did not negate the fact that the representatives of the legal corporation periodically changed roles and were closely related to each other. It is stressed that the graduates of legal faculties undoubtedly played a leading role in the administrative system of the Russian Empire, since lawyers were the only ones who had the necessary professional skills to ensure proper functioning of the legislative mechanism. Moreover, they undoubtedly “soloed” in public circles, primarily for the reason that the university was a kind of “factory” for the production of lawyers and at the same time a kind of “forge” of the Russian general public. Legal corporation was the core of the political class of the Russian Empire in all its diversity. Representatives of this community simultaneously served in bureaucratic institutions and participated in the creation of opposition parties. Even those who did not take an immediate part in political life, in their daily activities formed the attitude of the public to the law and the ways of its implementation. To a large extent, this is explained not only by the institutional but also by the legal prerequisites for the formation of the legal corporation in Russia. At the end of the 19th century, law

faculties of the metropolitan universities were doing a lot to eliminate the legist attitude to law, one way or another interpreting the phenomenon of the *Rechtsstaat* as an obvious example. The law was understood not as a set of material norms but as something more, something that arose from the legal consciousness of the population, from political ideals characteristic of the public. Within this framework, law was seen as a kind of action program for the future, and a lawyer was seen as a full participant in legal creativity rather than a keeper and instructor.

Keywords: legal corporation, political class, bureaucracy, Senate, advocateship

Acknowledgements: This article has been prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (Project no. 23-18-00520 “Beyond ‘Coloniality’ and Nationalism: Spaces of Integration in the Russian Empire (19th – beginning of the 20th century),” <https://rscf.ru/project/23-18-00520/>).

For citation: Solov'ev, K.A. “Legal Corporation of the Russian Empire in the Late 19th – Early 20th Centuries: In Power, near Power, against Power.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 3 (2024): 759–94, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-3-1>; EDN: RLJOLZ

Введение

Так или иначе отталкиваясь в своей научной работе от определенных конституционных актов, исследователи чаще всего склоняются к формальному анализу политической системы. Однако практика показывает, что даже самые авторитетные документы часто обманывают, а политические декларации не соответствуют реалиям. Вполне может быть и обратная ситуация – конституционных актов нет, а практики сложились. Но интереснее даже другое. Самодержавная монархия и парламентаризм – это не столько политические, сколько мифологические конструкции¹. А потому, отталкиваясь от этих понятий и связанных с ними догматов, исследователь утрачивает из поля зрения механизмы управления, которые соответствуют не идеологемам, а устойчивым алгоритмам принятия решений, характерным для того или иного общества².

Россия до 1905 г. была абсолютной монархией, что напрямую следовало из Основных государственных законов и утверждалось во всех учебниках права. Проблема заключалась в том, что российское самодержавие уживалось с независимым судом, с которым приходилось считаться и государю, и как будто бы всемогущим министрам. Упразднить такой суд им было не под силу. За этот суд как за залог своих возможностей держалась юридическая корпорация. В 1880-е гг. она организовала многоступенчатую оборону Уставов 1864 г.,

¹ Соловьев К.А. Идея самодержавия (конец XIX – начало XX вв.) // *Философия*. 2018. Т. 2, № 2. С. 48–69; Уортман Р.С. Николай II и образ самодержавия // *Реформы или революция? Россия, 1861–1917: материалы Международного коллоквиума историков / под редакцией В.С. Дякина и др.* Санкт-Петербург: Наука, 1992. С. 18–30.

² Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. Москва: Политическая энциклопедия, 2018. С. 69–100.

преодолеть которую императорской власти так и не удалось³. Правительство не могло бороться с вездесущими юристами, так как само правительство – юристы, которые, правда, в этом не спешили признаваться.

Великие реформы 1860–1870-х гг. запустили процесс радикального обновления России. Пожалуй, ключевой их элемент – судебная реформа. Во-первых, она существенно изменила правила игры, которым так или иначе следовали все, в том числе и власть предрержащие⁴. Во-вторых, она способствовала коррекции политической системы, в которую встраивалось независимое судопроизводство⁵. В-третьих, Уставы 1864 г. стали центром сборки *юридической корпорации*, о которой в данном случае и пойдет речь⁶. В-четвертых, судебная реформа способствовала переформатированию публики. Новые вызовы обусловили появление новых вакансий, а значит – новых страт, корпораций, а главное профессий, с характерными для них стилем мышления и горизонтами ожиданий.

Основная часть

В европейской традиции университет представляет собой нечто неизмеримо большее, чем просто учебное заведение. Университетское образование уже в средние века стало важнейшим элементом культурной, правовой и политической жизни. Его здание воздвигалось церковью, которая мыслила и говорила от имени всей христианской Европы. Вполне закономерно, что

³ *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – 90-х годов). Москва: Мысль, 1970. С. 234–261.

⁴ *Берендтс Э.Н.* Влияние судебной реформы 1864 г. на государственный и общественный быт России // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Петроград: Сенатская типография, 1914. Т. 2. С. 707–793; *Нольде А.Э.* Отношение между судебной и административной властями и судьба основных начал Судебных Уставов в позднейшем законодательстве // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Петроград: Сенатская типография, 1914. Т. 2. С. 481–706; *Уортман Р.С.* Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России / перевод с английского М.Д. Долбилова, Ф.Л. Севастьянова. Москва: Новое литературное обозрение, 2004. С. 414–445; *Томсинов В.А.* Правовая культура // Очерки русской культуры XIX века / под редакцией Л.Д. Дергачевой и др. Москва: Издательство Московского университета, 2000. Т. 2. Власть и культура. С. 139–151.

⁵ *Тарановски Т.* Судебная реформа и политическая культура царской России // Великие реформы в России. 1856–1874 / под редакцией Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. Москва: Издательство Московского университета, 1992. С. 305; *Христофоров И.А.* Великие реформы: истоки, контекст, результаты // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. Т. 3. Вторая половина XIX – начало XX вв. / под редакцией В.В. Шелохаева. Москва: Политическая энциклопедия, 2016. С. 111–117.

⁶ *Тельберг Г.* Влияние судебной реформы на науку права // Судебная реформа / под редакцией Н.В. Давыдова, Н.Н. Полянского. Москва: Объединение, 1915. С. 354–380.

важнейшими факультетами средневекового университета были теологической и правовой, что обусловило неразрывную связь теологии и права на многие годы вперед. Дисциплины разошлись, но связь осталась. Однако именно тогда, в Средние века и Раннее Новое время, в университетской лаборатории был выращен «гомункулус» государства. Университетские юристы обеспечивали функционирование монархической власти: писали и трактовали законы, выступали правительственными агентами. Они вынашивали, обсуждали, транслировали идеи, которые потом повсеместно принимали чиновники⁷. Университет стал несомненным политическим центром Западной Европы. По словам П. Бурдые, «структура университетского поля отражает структуру поля власти»⁸. Так было, и так осталось. Например, профессура в современной Франции – авторитетная, весьма влиятельная корпорация, мобилизующая в свои ряды в значительной мере представителей высших классов⁹.

Университеты в России решали более прикладные задачи, поскольку создавались правительством прежде всего для пополнения чиновничьих кадров. Не случайно важнейшим факультетом любого российского университета того времени был юридический. К концу XIX столетия именно на этом факультете училось наибольшее количество студентов, больше зарабатывали преподаватели¹⁰. Поразительно, как быстро на протяжении XIX столетия менялись эти показатели, являющиеся замечательным барометром изменений, которые переживала страна во второй половине века. В 1865 г., сразу после Судебной реформы, 49 % всех студентов России учились на юридическом факультете, в 1870 – уже более 51 %. К 1875 г. лидерство перехватили студенты-медики. Видимо, это хотя бы отчасти обуславливалось популярностью позитивизма, а значит физиологии, а также нуждами земства, тогда встававшего на ноги. В 1880 г. 40 % студентов учились на медицинском факультете и 22,3 % – на юридическом. Однако данное соотношение сохранялось сравнительно недолго: к 1890 г. показатели сближаются, а к 1895 г. практически выравниваются. Между 1895 и 1899 г. произошли существенные изменения: в 1895 г. студенты-медики составляли 37,4%, а юристы – около

⁷ Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 2 / перевод с французского И. Окуневой. Москва: Праксис, 2005. С. 89–90.

⁸ Бурдые П. *Nomo academicus* / перевод с французского С.М. Гавриленко и др. Москва: Издательство Института Гайдара, 2017. С. 86.

⁹ Бурдые П. *Nomo academicus*. С. 90–98; Тарановский Ф.В. Догматика положительного государственного права во Франции при старом порядке. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1911. С. 1–44.

¹⁰ Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). Москва: Политическая энциклопедия, 2017. С. 184–191.

37 %. В 1899 г. 43 % студентов – это будущие юристы и 28,1 % – медики¹¹. Этот весьма красноречивый факт подтверждает значимые изменения, которые переживало российское общество в 1890-е гг.

И все же даже российский университет не мог в полной мере уйти от своей политической миссии. В его стенах ковались кадры бюрократии. Там учили, что такое власть, что такое закон, что такое государство. Там складывался тот категориальный аппарат, который получал распространение в различных слоях малочисленного российского общества. Именно в университете достигалась максимальная плотность «мыслящей России». История университетов в России была столь непродолжительной, а общество столь малочисленным, что в итоге вся общественная мысль страны – самых разных направлений – умещалась за одной скамьей, в одной аудитории. Один из современников следующим образом отразил данную ситуацию в своих воспоминаниях:

Вот – та самая кафедра (в Московском университете. – К. С.), с которой некогда читал свои вдохновенные лекции Грановский; вот небольшая полутемная аудитория... в которой Соловьев читал лекции группе студентов последнего курса, специализировавшихся на русской истории, и где на первой скамейке сидел студент Ключевский, бисерным почерком записывавший для всей группы лекции своего учителя. Вот – в большой «словесной» аудитории длинные скамье, на которых некогда сидели Константин Аксаков и Герцен...¹²

В здании Московского (и не только) университета было много таких святынь.

Было и другое обстоятельство, которое делало особенным положение любого университета. Российское общество было предельно разряжено. Именно в университете плотность общественных коммуникаций достигала своего максимума. Здесь быстрее распространялись новости и слухи, здесь крепче были корпоративные связи. Наконец, у значительной части университетского сообщества (прежде всего, у студенчества) было сравнительно много свободного времени. Учащиеся являлись «валентным электроном», вступающим в реакции и будоражающим остальных, активных и недовольных. Кроме того, предельно разнородное по составу, студенчество было вплетено в

¹¹ Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. Москва: Мысль, 1971. С. 57–59. Показателен тот факт, что юридический факультет оставался самым «дворянским» из всех имевшихся (Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. С. 61). Исключение составлял лишь Новороссийский университет в Одессе (Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. С. 78).

¹² Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания, 1881–1914. Москва: Искусство, 1997. С. 33–34.

социальную ткань общественности. Его составляли представители самых разных социальных страт, в том числе дети высокопоставленных чиновников и близких к престолу аристократов.

Это не было секретом для правительственных кругов. Настроения студенчества занимали умы полицейских чинов на протяжении большей части XIX столетия. В понимании сотрудников III Отделения С.Е.И.В. Канцелярии, учащиеся университетов являлись важнейшей составляющей российской общественности¹³. В 1880-е гг. данная проблематика перешла в наследство Департаменту полиции.

О настроениях студенчества 1890-х гг. можно говорить только с известной долей условности. Переписей никто не проводил. Очевидно, настроения колебались и зависели от динамично менявшейся конъюнктуры. Приходится полагаться на мемуарные источники, разумеется, в данном случае не слишком надежные. По воспоминаниям А.А. Кизеветтера, большинство студентов 1880-х гг. были политически индифферентны. Было даже целое движение «белоподкладчиков». Вместо форменных пальто его представители носили шинели офицерского покроя с меховым воротником и белой подкладкой, что было одним из способов подчеркнуть свою «благонадежность», свое неприятие любой оппозиции. К учебе «белоподкладчики» относились скептически, время на нее не тратили. У них были свои приоритеты и свои предания. Например, вспоминали, как однажды Александр III посетил Московский университет. Это случилось неожиданно. Никто не предполагал, что император навестит «гнездилище» революции. Погода была дурная, моросил дождь. Императрица пыталась сойти с коляски. Кругом была грязь. Вдруг кто-то из студентов бросил ей под ноги шинель. За ним последовали другие. Так, по студенческим шинелям, царская чета дошла до подъезда. Марии Федоровне поднесли букет белых роз, которые она раздала студентам, стоявшим поблизости. После этого случая «белоподкладчики» хотели сделать белую розу одним из своих символов и носить этот цветок в петлице, кто-то даже планировал создать союз «Белой розы»¹⁴. Из этой инициативы ничего не вышло, однако сама по себе она достаточно характерна. Впрочем, и в 1880-е гг. настроения в студенческой среде были разные. А.А. Кизеветтеру в этой связи вспоминалась история о сходке учащихся, собравшихся в университете. К толпе вышел профессор Г.А. Иванов. Он спросил студентов:

¹³ Россия под надзором. Отчеты III отделения, 1827–1869 / составители М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. Москва: Российский фонд культуры; Российский архив, 2006. С. 22.

¹⁴ *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания, 1881–1914. С. 44–45.

«Чего вы желаете?» «Немедленного введения конституции», – уверенно отвечали студенты. «Господа, все, что от меня зависит, я сделаю»,

– со всей возможной любезностью отреагировал Иванов¹⁵. Тогда, в 1880-е гг., эта история носила скорее анекдотический характер, к концу 1890-х гг. над этим уже никто не смеялся.

Как отмечалось выше, в те времена о студенческих настроениях оставалось только догадываться. Исследователю, не удовлетворенному мемуарным наследием, приходится полагаться на источники более позднего происхождения, когда уже можно было открыто говорить о своих политических симпатиях. 16 октября 1907 г. в Технологическом институте в Санкт-Петербурге проходили выборы в совет представителей. Из 2 200 студентов на выборы явилось 1 250 чел. В итоге было избрано пятеро социал-демократов, четверо кадетов, трое эсеров и один народный социалист. Однако более любопытен, пожалуй, общий расклад. Студенты были разбиты на пять округов по годам поступления. В каждом конкретном случае политические симпатии распределялись особым образом (см. табл.).

Таблица

**Политические симпатии студентов Технологического института
в Санкт-Петербурге (1907 г.)**

Год поступления	Получили голосов			
	Социал- демократы	Кадеты	Эсеры	Народные социалисты
1907	136 (44 %)	69 (22 %)	90 (30 %)	11 (4 %)
1906	88 (44 %)	33 (16 %)	61 (30 %)	19 (10 %)
1904–1905	105 (36 %)	87 (30 %)	72 (25 %)	26 (9 %)
1902–1903	99 (41 %)	83 (34 %)	34 (14 %)	26 (11 %)
1901 и раньше	83 (43 %)	62 (32 %)	26 (12 %)	24 (13 %)

Примечание. Сведения, представленные в таблице, взяты из следующего источника: Санкт-Петербургская группа // Вестник народной свободы. 1907. № 41–42 (25 октября 1907). Стб. 1805.

Из таблицы видно, что поддержка социал-демократов была довольно стабильной и слабо менялась в зависимости от года поступления. У кадетов и эсеров ситуация отличалась: чем старше был студент, тем скорее он поддерживал кадетов, а студенты младших курсов больше симпатизировали эсерам¹⁶. Весь университет, за редкими исключениями, был настроен резко

¹⁵ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания, 1881–1914. С. 42.

¹⁶ Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. 1905 – середина 1930-х гг. Т. 1. Протоколы Центрального комитета

оппозиционно. Сторонники кадетов смотрелись на этом фоне ретроградами и даже реакционерами.

Молодые люди выросли, набирались опыта, поступали на государственную службу, достигали известных высот. Значило ли это, что менялись их взгляды? В январе 1902 г. военный министр А.Н. Куропаткин сделал в дневнике запись о том, что услышал от министра финансов С.Ю. Витте. Тогда, 1 января, они гуляли по Зимнему дворцу. Настроение было дурное, а предчувствия и того хуже.

Мы ходили по зале, где были собраны члены Государственного совета, министры, сенаторы. Там же стояли офицеры Кавалерийского полка. Показывая на толпу эту рукой, Витте сказал: «Уверяю Вас, что все они, за исключением офицеров, думают о конституции в России». Потом он поправился и сказал, что не так выразился, что надо принять, что 80 % находившихся в зале недовольны правительством¹⁷.

Витте не сомневался в том, что все русское общество бредило конституцией. Вероятно, министр преувеличивал, но не сильно.

Среди лидеров оппозиции было немало лиц с опытом государственной службы и с юридической выучкой. Будущий депутат Первой Думы и один из лидеров партии кадетов князь В.А. Оболенский в 1893 г. начал свою государственную карьеру. В тот год он поступил в Отдел (с 1894 г. – Департамент) сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия. Он получил назначение на должность младшего редактора, о чем другие могли только мечтать. Во всех прочих департаментах это приравнивалось к должности столоначальника. Однако это не помешало Оболенскому сблизиться с марксистами, встречаться с А.Н. Потресовым и П.Б. Струве и задуматься об участии в социал-демократическом издании¹⁸.

Бросив канцелярскую службу, Оболенский предсказуемо оказался в рядах оппозиции. Это был не единственный и не самый яркий пример. Можно назвать и другие: товарища министра внутренних дел князя С.Д. Урусова, главноуправляющего землеустройством и земледелием Н.Н. Кутлера. До 1900 г. историк, видный член партии кадетов А.А. Корнилов заведовал

Конституционно-демократической партии, 1905–1911 / составитель Д. Павлов. Москва: Прогресс-Академия, 1994. С. 154–156.

¹⁷ Куропаткин А.Н. Дневник // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1871. Л. 63.

¹⁸ Оболенский В.А. Моя жизнь, мои современники. Воспоминания. 1869–1920 / вступительная статья и комментарии К.А. Соловьева. Москва: Кучково поле, 2017. Т. 1. С. 160–187.

крестьянскими делами при иркутском генерал-губернаторе. И.В. Гессен небезуспешно служил в Министерстве юстиции. Там же трудился его родственник В.М. Гессен. Во главе Второго департамента МИД стоял Б.Э. Нольде, сын управляющего делами Комитета министров Э.Ю. Нольде. И В.М. Гессен, и Б.Э. Нольде впоследствии заняли видное место в руководстве партии кадетов. В «Союзе 17 октября» бывшие чиновники также являлись весьма заметными фигурами. Бюджетную комиссию в III и IV Думах возглавлял в прошлом попечитель Казанского, а впоследствии Харьковского учебного округа М.М. Алексеенко. Председателем думской комиссии по народному образованию в III Думе был ранее занимавший должность попечителя Харьковского, а затем Санкт-Петербургского учебного округа В.К. Анреп. Важную роль во фракции играл Э.П. Беннигсен, в прошлом чиновник особых поручений при финляндском генерал-губернаторе. Авторитетом среди лидеров октябристов пользовался руководитель отдела печати МИД и директор Санкт-Петербургского телеграфного агентства А.А. Гирс. Постоянным докладчиком по вопросам народного образования был отставной чиновник особых поручений при министре народного просвещения Е.П. Ковалевский. Заметное место в окружении А.И. Гучкова принадлежало Г.Г. Лерхе, прежде занимавшему должность старшего инспектора Государственного банка. Среди октябристов числился бывший директор и председатель Совета Санкт-Петербургского телеграфного агентства Л.В. Половцев. Председатель Третьей Думы Н.А. Хомяков за несколько лет до того, как занять соответствующее кресло, был директором департамента в Министерстве земледелия и государственных имуществ. Впоследствии буквально в той же самой должности работал С.И. Шидловский, один из лидеров октябристов¹⁹.

Людей с опытом государственной службы было немало и в Думе. Так, в Думе первого созыва таковых было 40 (из 497), второго созыва – 34 (из 491), третьего – 86 (из 486), четвертого – 107 (из 422). Рост их количества вполне очевиден, что отчетливо показывает путь, по которому шло народное представительство в Российской империи. По числу депутатов с опытом государственной службы вполне предсказуемо лидировали октябристы (62 чел.). Им уступали кадеты (39 чел.), умеренно-правые и националисты (38 чел.), правые (16 чел.) и т.д. Абсолютное большинство этих депутатов имело юридическое образование²⁰.

¹⁹ Соловьев К.А. Бюрократия versus бюрократия. Парадоксы государственной службы в России в конце XIX – начале XX вв. // Новое литературное обозрение. 2017. № 144 (2). С. 116–117.

²⁰ Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг. С. 131–132.

Иными словами, бюрократы (в прошлом или настоящем) с юридическим дипломом занимали видное место не только в чиновничьей иерархии (что более чем естественно), но и в общественном движении. Они управляли страной и одновременно противостояли тем, кто это делал.

Университет тому только способствовал. К концу XIX столетия наиболее видные его представители порывали с позитивистской традицией. Они предлагали студентам по-новому осмыслить феномены права, закона, легитимности. Складывался новый язык юриспруденции, подразумевавший возможность радикальных политических подвижек. Известный юрист Е.В. Спекторский объяснял свои жизненные трудности, с которыми периодически сталкивался еще до революции, тем, что не «поддакивал» П.И. Новгородцеву (профессору Московского университета) и Л.И. Петражицкому (профессору Санкт-Петербургского университета) в вопросах теории права, где они считались признанными корифеями²¹. Наиболее заметные фигуры в истории российского правоведения начала XX в. были учениками либо одного, либо другого. Школы Новгородцева и Петражицкого заметно расходились в оценках, однако многое в них было общим. И в том, и в другом случае речь шла о принципиальном неприятии позитивистской традиции прочтения права, которое нельзя свести к совокупности материальных норм. Право – это нечто гораздо большее. Можно было апеллировать к психологии человека, к последним достижениям физиологии, ссылаться на идеологические поиски последнего столетия, на скоротечно менявшиеся представления человечества об идеале. Принимавший ту или другую точку зрения юрист становился не знатоком законов, а почти философом, по-своему понимавшим справедливость и не исключавшим политические изменения, даже радикальные²².

Университет формировал стиль мышления, точку отсчета для оценки государственного служащего, аксиоматическую позицию для ученого-правоведа. Своеобразная модель поведения юриста определяла направление непрерывного потока ежедневно принимаемых решений всех органов власти: например, Правительствующего Сената, которому вменено было в обязанность стать «хранителем законов». В этом учреждении обычно заседали немолодые люди (средний возраст – 54 года), а значит опытные юристы, со знаниями и профессиональными навыками, но чаще всего без особой надежды на дальнейшее продвижение по службе. Едва ли кто-то сомневался в том, что у

²¹ Спекторский Е.В. Воспоминания / подготовка текста Е.В. Ткаченко. Рязань: Чеховский Печатный Двор, 2020. С. 148. См. также: Соловьев К.А. Выборгское воззвание. Теория и практика пассивного сопротивления. Москва: Кучково поле Музеон, 2021. С. 209–210, 268–269.

²² Спекторский Е.В. Воспоминания. С. 210–211, 274–280.

них было хорошее образование. К 1917 г. было 65 сенаторов. Из них 38 чел. получили университетское образование, 24 – окончили Училище правоведение, трое – Александровский лицей²³. Члены высокого собрания многое знали и на малое рассчитывали. Это развязывало им руки, давало право на независимые суждения. Сенатор А.Г. Кильштейн вспоминал:

лично мне известны случаи, когда попытки «сфер» влиять на решение... не только не имели успеха, но грозили погубить даже правое дело. Поэтому, исправляя часто и подолгу обязанности обер-прокурора, я заявлял категорически всяким искателям и посредникам, что требуемый или просимый «нажим», если и мог бы иметь какой-либо результат, то лишь обратный²⁴.

Это была распространенная точка зрения. В частности, Н.Н. Покровский свидетельствовал, что,

несмотря на то, что Сенат очень стеснен процедурой разбора жалоб на министерства, тем не менее в народе сложилось убеждение, что только через Сенат можно добиться своих прав²⁵.

Департаменты Сената были весьма работоспособны. А.А. Половцов, при всем своем неизбывном критицизме, высоко ставил Первый департамент и его сенаторов. Так, 22 октября 1881 г. он отметил в дневнике:

²³ *Кильштейн А.Г.* Мемуары // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 564. Оп. 1. Д. 402. Л. 7.

²⁴ Там же. Л. 6 об.–7.

²⁵ *Покровский Н.Н.* Отжившие бюрократические порядки (К вопросу о реформе Правительствующего Сената) // Русская старина. 1910. Т. 144, № 11. С. 363. А.Н. Куломзин вспоминал: «Не могу здесь не отдать справедливой дани Сенату. Прежде всего, большинство сенаторов чрезвычайно добросовестно изучали подлежащие их решению дела. Редко встретишь такого, который является на заседание, или вовсе не ознакомившись с делами, или даже поверхностно их изучивши. А дела сложные до чрезвычайности: тут и показания свидетелей о границах описываемых стародавним порядком “от кривой березы до лисьего лога, а далее на прямую ель и до разбойничьей берлоги” и т.д., и юридические тонкости о степенях родства к участникам восстания и о наследственных частях боковых родственников такого участника, и исчисление сроков, когда именно имение было конфисковано, не покрывается ли теми или иными манифестами. Другая высокопочтенная черта Сената – всегда зорко охранять частные интересы против притязаний казны» (*Куломзин А.Н.* Пережитое. Воспоминания / составитель К.А. Соловьев. Москва: Политическая энциклопедия, 2016. С. 346).

[В.А.] Арцимович председательствует с чрезвычайной добросовестностью и трудолюбием. [Ф.М.] Маркус — чрезвычайно умный человек, всегда говорит дело. [А.А.] Сабуров внимательно изучает дела и почти докладывает их, хотя очевидно не привык к судебному-административному производству. [М.Ф.] Гедда с его страшной мнительностью и нескончаемыми сомнениями затягивает прения, но, разумеется, заслуживает полного уважения²⁶. (Приведенные в цитате в квадратных скобках инициалы добавлены автором. – Прим. ред.)

Половцов редко давал доброжелательные оценки. Он был внимательным, умным, но злым наблюдателем. Тем не менее, многих коллег по Сенату он «щадил». В декабре 1882 г. Половцов высоко отзывался о Н.С. Абазе, К.К. Петерсе, Г.Ф. Пребстинге, А.Д. Шумахере. По его словам,

заседания продолжительны и утомительны, но общее впечатление их чрезвычайно отранно; дела разбираются основательно, добросовестно, беспристрастно, сенаторы изучают дела предварительно²⁷.

Так думали не только сами сенаторы. У старейшего в Российской империи учреждения была хорошая репутация. Однако порой всплывали вопросы о том или ином назначении в Сенат²⁸. Вызывали недовольство очевидные министерские креатуры, порой одиозные бывшие губернаторы, в которых трудно было заподозрить выдающихся юристов²⁹. Министр зачастую представлял к должности заслуженных чиновников в качестве своего рода награды. Служба в Сенате для них не была самоценностью. Более того, предлагая иногда ту или иную кандидатуру, министр рассчитывал избавиться от неугодного сотрудника. Как результат, в Сенат отбирали далеко не всегда лучших³⁰. И все же бывшие «хозяева губерний» редко выбивались в «солисты».

²⁶ Половцов А.А. Дневник. 1859–1882 / составители О.Ю. Голечкова, С.В. Куликов, К.А. Соловьев. Москва: Фонд «Связь Эпох», 2022. Т. 2. 1878–1882. С. 449–450.

²⁷ Половцов А.А. Дневник. 1859–1882. С. 493–496.

²⁸ Тем не менее, по оценке сенатор В.П. Безобразова, в конце 1880-х гг. большинство его коллег придерживалось принципа законности ([Безобразов В.П.] Дневник академика В.П. Безобразова // Русская старина. 1913. № 5. С. 271). Конечно же, далеко не все сенаторы были так настроены. Например, барон И.О. Велио полагал, что «сенатские дела не стоят выеденного яйца» ([Безобразов В.П.] Дневник академика В.П. Безобразова. С. 272).

²⁹ Письмо Е.М. Феоктистова М.Н. Каткову // ГАРФ. Ф. 1718. Оп. 1. Д. 8. Л. 33 об.

³⁰ Беннигсен Э.П. Записки. Москва: Издательство имени Сабашниковых, 2018. Т. 1. 1875–1917. С. 477–478. См. также: Шахрай С.М., Краковский К.П. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех. К 150-летию Судебной реформы в России. Москва: Кучково поле, 2014. С. 182.

«Первая скрипка» принадлежала правоведам с выучкой и порой даже талантами. Они не боялись идти вопреки министерским требованиям, их не отставляли, несмотря на ведомственные происки³¹. Министрам оставалось только ворчать. 25 декабря 1904 г. К.П. Победоносцев писал С.Ю. Витте:

А теперь что такое Сенат? Собрание судебных чиновников, переворачивающих на все лады букву – законов, не приведенных ни к какому единству – а двигателем всего – присяжный поверенный³².

И все же в данном случае не стоит делать обобщения. В каждом департаменте Сената были свои законы. В IV, гражданском, Департаменте решения преимущественно готовились канцелярией. Сенаторы их лишь утверждали. В Кассационном департаменте дело обстояло иначе. Там канцелярия исполняла исключительно технические функции. Бремя решений возлагалось на сенаторов³³. По оценке Э.П. Беннигсена, успешно трудились лишь два кассационных департамента. Все остальные работали крайне медленно и не слишком эффективно. Как правило, значительный объем работы возлагался на обер-секретарей и их помощников. При всей их очевидной высокой квалификации они (в отличие от сенаторов) были людьми подневольными, полностью зависимыми от министра юстиции. Обер-секретари, в свою очередь, нередко подчиняли своей воле убеленных сединами сенаторов, про которых

рассказывали анекдоты, что разбуженные для голосования они заявляли, что согласны с мнением Ивана Ивановича и Петра Петровича, на что получали ответ, что оба они давным-давно умерли³⁴.

Департаменты Правительствующего Сената заседали сравнительно недолго. Начинали около часа, завершали работу к 16–17 часам. Прежде всего слушались так называемые дела «со сторонами». Заседания проходили в небольшом и довольно мрачном зале, единственным украшением которого был царский портрет. Под ним полукругом стоял стол для судей. Обычно присутствовало четыре сенатора. Справа – обер-прокурорский стол, слева – секретарский, своего рода «святая святых», где лежали дела и тома Свода законов. Напротив судейского стола – кресла для публики и адвокатов. В

³¹ Письмо Е.М. Феоктистова М.Н. Каткову // ГАРФ. Ф. 1718. Оп. 1. Д. 8. Л. 33 об.

³² Письмо К.П. Победоносцева С.Ю. Витте 25.12.1904 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 351. Л. 1.

³³ Гершун Б.Л. Воспоминания русского адвоката. Москва: Статут, 2023. С. 36.

³⁴ Беннигсен Э.П. Записки. С. 477–478.

середине зала – пюпитры для выступающих. В час дня курьер объявлял начало слушания дела. Представители сторон заполняли зал. Открывалось заседание. После прений публика удалялась. Докладчик, сотрудник канцелярии, предлагал свой проект резолюции. Чаще всего первоприсутствующий сенатор с ним соглашался. Впрочем, изредка случались разногласия. Гипотетически сенаторы могли и отклонить подготовленные решения³⁵. Часто многое зависело от личных качеств лиц, вовлеченных в этот процесс³⁶.

По оценке адвоката Б.Л. Гершуна, некоторое время прослужившего в этом учреждении, у сенаторов была особая «правовая психология», характерная в целом для судейской корпорации. Они были равнодушны к формальной стороне дела и при этом старались быть по возможности справедливыми. Они в меру своих сил пытались разобраться в сути дела и, вопреки ожиданиям, не обращали большого внимания на юридическое обоснование решения, которое необходимо было тщательно и грамотно подготовить³⁷. На молодого сенатского чиновника Б.Л. Гершуна ложилось много работы. Он разбирал до 60 дел в месяц. Некоторые из них требовали проведения специального юридического исследования. Молодой человек по необходимости осваивал разные отрасли права, прежде ему совершенно неизвестные³⁸. В чем-то эта работа напоминала работу молодого юриста, чиновника Государственной канцелярии: то же освоение уникальных навыков законотворчества и приобщение к принятию важнейших правительственных решений³⁹.

Сенатская машинерия действовала согласно своим принципам. С ними приходилось считаться всем. Так, в IV Департамент поступила жалоба от акционерного общества «Заверце», пайщики которого рассчитывали заниматься разведением хлопка в Средней Азии, но получили отказ от местного суда на право владения недвижимым имуществом. Судебное решение объяснялось просто. Правление акционерного общества располагалось в Лодзи в Царстве Польском, а его собственниками были поляки Любомирские и евреи Познанские. Вместе с тем в этой части империи приобретение недвижимости в сельской местности для поляков и евреев было запрещено. Б.Л. Гершун, который готовил решение по этому вопросу, предложил отклонить постановление суда. Во-первых, он не был уполномочен проверять правоспособность покупателя, а во-вторых, покупателем выступало юридическое лицо, которое по закону никак не было ограничено в покупке

³⁵ Гершун Б.Л. Воспоминания русского адвоката. С. 44–45.

³⁶ Гершун Б.Л. Воспоминания русского адвоката. С. 43.

³⁷ Гершун Б.Л. Воспоминания русского адвоката. С. 46.

³⁸ Гершун Б.Л. Воспоминания русского адвоката. С. 45–46.

³⁹ Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг. С. 166–180.

недвижимости. Подготовленное решение было одобрено обер-секретарем А.Ф. Брандтом. Гершун был вызван к обер-прокурору П.П. Кобылинскому, который сказал следующее:

Вы, конечно, формально, правы, но разве Вы не видите, что дело носит скорее политический характер. Я бы Вам посоветовал утвердить определение, а то мы не оберемся неприятностей, будет протест со стороны военного министра. Напишите другой проект⁴⁰.

Гершун возмутился, Кобылинский настаивать не стал. Сенаторы утвердили подготовленный проект. Далее, как и предполагал Кобылинский, министр заявил протест. Соответственно, дело было перенесено в Общее собрание судебных департаментов Сената. Перед его началом сенаторы IV Департамента провели частное совещание, где обсудили, нужно ли пойти на попятную и согласиться с Военным министерством. В итоге было принято решение стоять на своем.

Общее собрание проходило в огромном зале. Места за столом были зафиксированы за определенными сенаторами. Их было около двадцати. «Появились такие старцы, которые точно поднялись из гроба». Отдельно сидели обер-прокуроры П.П. Кобылинский и Е.К. Прибыльский. Неожиданно для многих в зале появился генерал, увешанный наградами. Это был начальник Генерального штаба Н.Н. Обручев. Не было секретом, что он специально пришел ради акционерного общества «Заверце». Это дело должно было слушаться первым. Обручев взял слово:

Я доложил это дело государю императору, и он согласился с мнением военного министра. Недопустимо, чтобы такой вредный элемент, как евреи и поляки, проник, хотя бы под прикрытием акционерного общества, в наши среднеазиатские владения⁴¹.

Он не просто говорил, а грозил сенаторам, постукивая эфесом своей сабли. Обручев сделал то, что до него предпочитали не делать. Он сослался на мнение императора, тем самым оказывая давление на Сенат. В зале воцарилось молчание. Медленно поднялась высокая фигура. Это был первоприсутствующий V Департамента Н.Н. Герард. Он говорил ясно, но негромко:

⁴⁰ Гершун Б.Л. Воспоминания русского адвоката. С. 47.

⁴¹ Гершун Б.Л. Воспоминания русского адвоката. С. 48.

Высочайшие повеления объявляются в установленном законом порядке. Этому порядку совершенно не соответствует сообщение представителя Военного министерства о выраженном ему мнении государя. Если бы его величеству угодно было по этому делу объявить свою волю в изменение существующих законов, то его величество нашел бы путь, установленный законом, для выражения такого сепаратного закона, и тогда Правительствующему Сенату и вообще судебным установлениям не пришлось бы заниматься рассмотрением этого дела. Государю императору очевидно не угодно было изменить по этому делу в установленном порядке существующие законы и потому он, как верноподданный его величества, полагает своим долгом считаться с действующими законами, как в законном порядке (он подчеркнул эти слова) выраженной высочайшей воле... Что же касается до соображений политического характера, приведенных господином представителем Военного министерства, то им не место в зале Общего совещания, решающего дела по закону. Впрочем, Вы, Ваше высокопревосходительство, быть может, мало знаете и поляков, и евреев и потому заблуждаетесь. Я помещик Юго-Западного края и постоянно имею дело и с евреями, и поляками. Это трудолюбивые, честные люди, оживляющие своей инициативой и работоспособностью край. Среди них столько же вредных эксплуататоров, как среди нас, но широкая масса евреев и поляков не заслуживает такого отзыва, какой мы выслушали⁴².

Обручев покраснел, встал, опять сел. Началось поименное голосование. Большинство поддержало протест Военного министерства. «Ну вот мы с Вами и блестяще провалились», – без всякой злобы сказал Кобылинский Гершуну⁴³.

Сенат периодически демонстрировал свой «характер». Сенаторы следовали логике, усвоенной еще в университете. Они исходили из собственного понимания законности и протестовали, когда чувствовали, что кто-либо пытается ими помыкать. Так, позднее Гражданский кассационный департамент Сената сопротивлялся попыткам министра юстиции И.Г. Щегловитова влиять на принятие решений. Сенаторы возмущались тем, что глава ведомства рассчитывал сыграть несвойственную ему роль⁴⁴.

Заключение

Сенаторы, сотрудники Сената, адвокаты, прокуроры, судьи, юрисконсульты и многие другие представители юриспруденции принадлежали к одной корпорации. Более того, часто речь шла об одних и тех же людях, следовавших

⁴² Гершун Б.Л. Воспоминания русского адвоката. С. 49.

⁴³ Гершун Б.Л. Воспоминания русского адвоката. С. 50.

⁴⁴ Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг. С. 170.

общим принципам⁴⁵. Само разнообразие юридических профессий – это многоголосие, необходимое для того, чтобы корпорация состоялась. Лица с разным опытом, навыками, служившие и государству, и обществу, были объединены схожими представлениями о праве и своих ролевых функциях. Причем сама корпорация менялась. Удельный вес тех, кто служил обществу, неизменно рос. К концу XIX в. адвокатов в России было не слишком много. В 1897 г. насчитывалось 8,9 тыс. нотариусов, присяжных и частных поверенных, т.е. квалифицированных юристов, непосредственно не находившихся на службе у государства⁴⁶. Разумеется, адвокаты составляли лишь часть из них. К началу Первой мировой войны присяжных поверенных стало значительно больше: в 1916 г. было уже 6 тыс. присяжных поверенных и 5,8 тыс. их помощников. Значительная их часть работала в столицах (1 900 чел. в Санкт-Петербурге, 2 400 – в Москве) и в больших городах (2 900)⁴⁷. В значительной степени это объяснялось тем, что любая компания, любое предприятие нуждались в юрисконсульте. Спрос рождал предложение. В начале XX столетия уже сложился «адвокатский пролетариат»⁴⁸.

Среди присяжных поверенных были те, кто сделал себе политическое имя, но это было скорее исключением из правил. По оценке Б.Л. Гершуна, адвокатская работа требовала слишком много времени, чтобы оставались часы на общественное и политическое служение. Об этом мог подумать адвокат на склоне жизни, но не на заре или в зените. По этой причине большинство наиболее известных присяжных поверенных были далеки от политической деятельности⁴⁹. Юридическая корпорация преимущественно занималась своим профессиональным делом. Однако и это было уже очень много. Юристы во всех возможных ипостасях писали, редактировали, трактовали, защищали закон. Исполняя свои обязанности, они так или иначе творили право, а значит – осуществляли власть.

⁴⁵ Шахрай С.М., Краковский К.П. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех. С. 294.

⁴⁶ Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. С. 90.

⁴⁷ Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. Москва: Мысль, 1981. С. 78.

⁴⁸ Гершун Б.Л. Воспоминания русского адвоката. С. 206.

⁴⁹ Гершун Б.Л. Воспоминания русского адвоката. С. 114–115.

Introduction

Proceeding from certain constitutional acts in their scholarly work one way or another, researchers most often tend to only formally analyze the political system. However, practice shows that even the most reliable documents may often be not truthful and political declarations frequently do not correspond to the reality. It may well be the opposite situation, when there are no constitutional acts at all, but certain practices have nevertheless developed. There is also another thing that seems even more interesting. Autocratic monarchy and parliamentarism are not so much political as mythological constructions.¹ Therefore, building their research based on existing concepts and related dogmas, researchers lose sight of the mechanisms of governance, which correspond to stable algorithms of decision-making typical for this or that society rather than ideologemes.²

Until 1905, Russia remained an absolute monarchy, as directly follows from the Fundamental State Laws and is stated in all law textbooks. The problem was that Russian autocracy co-existed with an independent court, which had to be reckoned with by both the sovereign and the seemingly almighty ministers. They had no power to abolish such a court. The legal corporation clung to that court as a pledge of its opportunities. In the 1880s, it organized the multi-stage defense of legal statutes of November 1864, which the imperial power failed to overcome.³ The government could not fight the ubiquitous lawyers because the government themselves were lawyers, even though they were not in a hurry to admit it.

The Great Reforms of the 1860s–70s launched the process of radical renewal of Russia. Perhaps, the key element of the reforms was the Judicial Reform of 1864. Firstly, it significantly changed the rules of the game, which everyone including those in power followed one way or another.⁴ Secondly, it contributed to the correction of

¹ K.A. Solov'ev, “The Notion of Tsarist Autocracy at the End of the 19th – Beginning of the 20th Century” [in Russian], *Filosofiya*, vol. 2, no. 2 (2018): 48–69; R.S. Wortman, “Nicholas II and the Image of Autocracy” [in Russian], in *Reforms or Revolution? Russia, 1861–1917: Proceedings of the International Colloquium of Historians*, ed. V.S. Dyakin et al. (St Petersburg: Nauka, 1992), 18–30.

² K.A. Solov'ev, *Political System of the Russian Empire in 1881–1905: The Problem of Law-Making* [in Russian] (Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2018), 69–100.

³ P.A. Zaionchkovskii, *Russian Autocracy at the End of the 19th Century (Political Reaction in the 1880s – 1890s)* [in Russian] (Moscow: Mysl', 1970), 234–61.

⁴ E.N. Berendts, “Influence of the 1864 Judicial Reform on the State and Society in Russia” [in Russian], in *Judicial Statutes of November 20, 1864 for Fifty Years*, vol. 2 (Petrograd: Senatskaya tipografiya, 1914), 707–93; A.E. Nol'de, “Relations between Judicial and Administrative Powers and the Fate of the Basic Principles of Judicial Statutes in the Later Legislation” [in Russian], in *Judicial Statutes of November 20, 1864 for Fifty Years*, vol. 2 (Petrograd: Senatskaya tipografiya, 1914), 481–706; R.S. Wortman, *The Development of a Russian Legal Consciousness* [in Russian], trans. M.D. Dolbilov, and F.L. Sevast'yanov (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004),

the political system into which independent judicial proceedings were built in.⁵ Thirdly, legal statutes of November 20, 1864 became an assembly point of *legal corporation*, which is to be discussed in this article.⁶ Finally, the Judicial Reform of 1864 contributed to the reformatting of the public. New challenges led to the emergence of new vacancies, and thus to the emergence of new strata, corporations, and, most importantly, new professions with their characteristic style of thinking and horizons of expectations.

Main body

In the European tradition, the university is much more than just an educational institution. Already in the Middle Ages, university education became an essential element of cultural, legal, and political life of the society. University buildings were erected by the Church, which thought and spoke on behalf of the whole of Christian Europe. It is quite natural that the most important faculties of the medieval university were the theological and legal ones, which conditioned the inextricable link between theology and law for many years to come. Later, the disciplines diverged but the connection remained. However, it was then, during the Middle Ages and Early Modern period, that the “homunculus” of the state was grown in the university laboratory. University lawyers ensured functioning of monarchical power: they wrote and interpreted laws and acted as government agents. They developed, discussed, and broadcast ideas that were then universally adopted by officials in power.⁷ The university as an institution became the undoubted political center of Western Europe. According to Pierre Bourdieu, the structure of the university field reflects the structure of the field of power.⁸ So it was, and so it remains. For example, the

414–45; V.A. Tomsinov, “Legal Culture” [in Russian], in *Essays on the Nineteenth-century Russian Culture*, ed. L.D. Dergacheva et al., vol. 2, *Power and Culture* (Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2000), 139–51.

⁵ T. Taranovski, “The Judicial Reform and Political Culture in Tsarist Russia” [in Russian], in *Great Reforms in Russia. 1856–1874*, ed. L.G. Zakharova, B. Eklof, and J. Bushnell (Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1992), 305; I.A. Khristoforov, “The Great Reforms: Origins, Context, Results” [in Russian], in *Reforms in Russia from Ancient Times to the End of the 20th Century*, vol. 3, *Second Half of the 19th – Beginning of the 20th Century*, ed. V.V. Shelokhaev (Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2016), 111–17.

⁶ G. Tel'berg, “The Impact of Judicial Reform on the Science of Law” [in Russian], in *Judicial Reform*, ed. N.V. Davydov, and N.N. Polyanski (Moscow: Ob"edinenie, 1915), 354–80.

⁷ M. Foucault, *Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews* [in Russian], pt. 2, trans. I. Okuneva (Moscow: Praksis, 2005), 89–90.

⁸ P. Bourdieu, *Homo Academicus* [in Russian], trans. S.M. Gavrilenko et al. (Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2017), 86.

professorship in modern France is an authoritative, highly influential corporation that involves mostly members of the upper classes.⁹

In Russia, universities had more applied tasks, as they were established by the government primarily to prepare the bureaucratic staff in the first place. It is no coincidence that the most important faculty of any Russian university of that time was the faculty of law. At the end of the 19th century, it was the faculty of law that had the largest number of students, and its professors earned more money than their colleagues.¹⁰ It is striking how quickly these indicators changed throughout the 19th century, being a remarkable barometer of the changes that the country was experiencing in the second half of the century. In 1865, just after the Judicial Reform of 1984, 49% of all students in Russia studied at the faculty of law; in 1870, already more than 51% did. By 1875, the leadership had been taken over by the faculty of medicine. Apparently, that was at least partly due to the popularity of positivism and hence physiology as well as the needs of the zemstvo, which was getting on its feet back then. In 1880, 40% of students studied at the faculty of medicine and 22.3% at the faculty of law. However, that ratio was maintained for a relatively short period of time. Already by 1890 the figures had converged, and by 1895 they had practically leveled off. There were significant changes between 1895 and 1899. In 1895, medical students accounted for 37.4% and lawyers for about 37% of all university students. In 1899, 43% of students were future lawyers and 28.1% were medical students.¹¹ This rather eloquent fact confirms the significant changes that Russian society was undergoing in the 1890s.

Yet even Russian universities could not fully escape their political mission. Within their walls, the cadres of bureaucracy were prepared. They learned what power is, what law is, and what the state is. It was there that the categorical framework was formed, which became widespread in various strata of non-numerous Russian society. It was within university walls that the maximum density of “thinking Russia” was reached. The history of universities in Russia was so short and the society so small that in the end the whole social thought (of various directions) in the country

⁹ Bourdieu, *Homo Academicus*, 90–98; F.V. Taranovskii, *Dogmatics of Positive State Law in France under the Old Order* [in Russian] (Yur'ev: Tipografiya K. Mattisena, 1911), 1–44.

¹⁰ E.A. Rostovtsev, *The Metropolitan University of the Russian Empire: Professorial Class, Society and Power (Second Half of the 19th – Early 20th Century)* [in Russian] (Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2017), 184–91.

¹¹ V.R. Leikina-Svirskaya, *Intelligentsia in Russia in the Second Half of the 19th Century* [in Russian] (Moscow: Mysl', 1971), 57–59. The fact that the Faculty of Law remained the most “noble” of all available faculties is also indicative (Leikina-Svirskaya, *Intelligentsia in Russia*, 61). The only exception was Novorossiia University in Odessa (Leikina-Svirskaya, *Intelligentsia in Russia*, 78).

could fit on one bench in one classroom. One of the contemporaries of the described events reflected that situation in his memoirs as follows:

Here is the very chair (at Moscow University. – K. S.) from which Granovskii once gave his inspired lectures; here is a small semi-dark classroom, . . . where Solov'ev delivered lectures to a group of students of the last year specializing in Russian history, where student Klyuchevskii, who wrote down his teacher's lectures for the whole group in beaded handwriting, sat on the front bench. Here – in the large classroom for literature students – are the long benches where Konstantin Aksakov and Herzen once sat. . .¹²

There were many such “sanctuaries” in the building of Moscow (and not only) University.

There was another circumstance that made the position of any university special. Russian society was extremely rarefied. It was at university that the density of public communications reached its maximum. Here news and rumors spread faster; here corporate ties were stronger. Finally, a significant part of the university community (first of all, its students) had a relatively large amount of free time. Students were a “valence electron,” entering into reactions, stirring up the others, active and dissatisfied. Moreover, extremely heterogeneous in composition, the student body was interwoven into the social fabric of the public. It was made up of representatives of the most diverse social strata, including the children of high-ranking officials and aristocrats that were close to the throne.

It was no secret to government circles. The sentiments of students occupied police officials throughout most of the 19th century. In the understanding of the staff of the Third Section of the His Imperial Majesty's Own Chancellery, university students were the most important component of the Russian public.¹³ In the 1880s, this issue was inherited by the Police Department.

It is possible to speak about the sentiments of the student population in the 1890s only with a certain degree of conventionality. No one conducted any censuses. Obviously, these sentiments fluctuated and depended on the dynamically changing conjuncture. We have to rely on memoir sources, which are, of course, in this case not reliable enough. According to the memoirs of A. Kiesewetter, most students of the 1880s were politically indifferent. There was even a whole movement of the *belopodkladchiki* [white liners]. Instead of uniform coats, its representatives wore

¹² A.A. Kiesewetter, *At the Turn of Two Centuries. Memories, 1881–1914* [in Russian] (Moscow: Iskusstvo, 1997), 33–34.

¹³ M.V. Sidorova, and E.I. Shcherbakova, comps., *Russia under Supervision. Reports of the Third Section, 1827–1869* [in Russian] (Moscow: Rossiiskii fond kul'tury; Rossiiskii arkhiv, 2006), 22.

officers' overcoats with a fur collar and white lining, which was one of the ways to emphasize their "trustworthiness" and rejection of any opposition. These *belopodkladchiki* were skeptical about their studies and did not spend any time on them. They had their own priorities and their own legends. For example, they recalled how once Alexander III visited Moscow University. It happened unexpectedly. No one anticipated that the emperor would visit the "nest" of the revolution. The weather was bad; it was drizzling rain. The Empress tried to get off the carriage. There was mud all round on the road. Suddenly, one of the students threw an overcoat under her feet. Others followed him. Treading on student overcoats, the royal couple reached the entrance. Maria Feodorovna was presented with a bouquet of white roses, which she distributed to the students who were standing nearby. After that incident, the *belopodkladchiki* wanted to make the white rose one of their symbols and wear that flower in the buttonhole; someone even planned to establish a union of the white rose.¹⁴ Nothing came out of that initiative, but it is still quite a representative fact. However, even in the 1880s, there were different attitudes among students. In this connection, A. Kiesewetter recalled a story about a rally of students, which gathered at the university. Professor G. Ivanov came out to the crowd. He asked the students,

"What do you desire?"

"The immediate introduction of the constitution," replied the students confidently. "Gentlemen, whatever depends on me, I will do that,"

Ivanov replied with all possible courtesy.¹⁵ At that time, in the 1880s, this story was rather anecdotal. In the end of the 1890s, nobody laughed at it anymore.

As noted above, students' sentiments at that time could only be guessed at. Researchers who are not satisfied with the memoir heritage have to rely on later sources dating back to the time when it became possible to speak openly about one's political sympathies. On October 16, 1907, elections to the Council of Representatives were held at the Technological Institute in St Petersburg. Out of 2,200 students, 1,250 showed up for the elections. As a result, five Social Democrats, four representatives of the Constitutional Democratic Party (the Kadets), three Socialist Revolutionaries (the SRs), and one Popular Socialist were elected. However, more curious in this regard is the general breakdown of votes. The students were divided into five districts according to their year of enrolment. In each case, political sympathies were distributed in a particular way (see the table below).

¹⁴ Kiesewetter, *At the Turn of Two Centuries*, 44–45.

¹⁵ Kiesewetter, *At the Turn of Two Centuries*, 42.

Table

Political Sympathies of Students of the Institute of Technology in St Petersburg (1907)

Year of enrolment	Votes			
	Social Democrats	Kadets	SRs	Popular Socialists
1907	136 (44%)	69 (22%)	90 (30%)	11 (4%)
1906	88 (44%)	33 (16%)	61 (30%)	19 (10%)
1904–05	105 (36%)	87 (30%)	72 (25%)	26 (9%)
1902–03	99 (41%)	83 (34%)	34 (14%)	26 (11%)
1901 and earlier	83 (43%)	62 (32%)	26 (12%)	24 (13%)

Note. The information in the table is taken from the following source: “St Petersburg Group” [in Russian], *Vestnik narodnoi svobody*, no. 41–42, October 25, 1907, col. 1805.

The table shows that support of the Social Democrats was quite stable and varied slightly depending on the year of enrolment. As for the Kadets and the SRs, the situation was different. The older a student was, the more likely they supported the Kadets, while younger students were more likely to sympathize with the SRs.¹⁶ The entire university, with few exceptions, was sharply oppositional. Against this background, the supporters of the oppositionist Kadets appeared retrograde and even reactionary.

Young people grew up, gained experience, entered the civil service, and reached prominent heights. Did this mean that their views changed? In January 1902, Minister of War A. Kuropatkin made an entry in his diary about what he had heard from Minister of Finance S. Witte. Then, on January 1, they were walking around the Winter Palace. The mood was bad and the premonition was even worse. Kuropatkin wrote:

We walked round the hall where the members of the State Council, ministers, and senators were assembled. The officers of the Cavalry Regiment were also standing there. Pointing to this crowd with his hand, Witte said, “I assure you that all of them, with the exception of the officers, are thinking of the constitution in Russia.” Then he corrected himself and said that he had put it wrong, that it must be accepted that 80% of those in the hall were dissatisfied with the government.¹⁷

¹⁶ D. Pavlov, comp., *Minutes of the Central Committee and Overseas Groups of the Constitutional Democratic Party. 1905 – Mid-1930s* [in Russian], vol. 1, *Minutes of the Central Committee of the Constitutional Democratic Party, 1905–1911* (Moscow: Progress-Akademiya, 1994), 154–56.

¹⁷ A.N. Kuropatkin, “Dnevnik” [Diary]. F. 165, op. 1, d. 1871, l. 63. Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military History Archive] (RGVIA), Moscow, Russia.

Witte had no doubt that the whole of Russian society was dreaming about the constitution. Probably, the minister exaggerated, but not greatly.

Among the leaders of the opposition, there were many persons with experience in public service and legal training. Prince V. Obolensky, a future deputy of the First Duma and one of the leaders of the Kadet Party, began his public career in 1893. That year he entered the Division (from 1894 – the Department) of Rural Economy and Agricultural Statistics of the Ministry of Agriculture. He received an appointment as a junior editor, something other people could only dream of. In all other departments, it was equal to the position of *stolonachal'nik* [department head]. However, it did not prevent Obolensky from getting closer to Marxists, meeting A. Potresov and P. Struve, and thinking about participating in a Social-Democratic publication.¹⁸

Having left his clerical position, Obolensky predictably found himself in the ranks of the opposition. It was not the only and not the brightest example. We can cite other examples as well. Prince S. Urusov, Deputy Minister of Internal Affairs in the Witte Government, and N. Kutler, Chief Executive of the Central Administration of Land Management and Agriculture. Until 1900, A. Kornilov, a historian and a prominent member of the Constitutional Democratic Party, had been in charge of peasant affairs under the Irkutsk Governor-General. I. Gessen was not unsuccessful in the Ministry of Justice. His relative V. Gessen also worked there. B. Nol'de, son of the manager of the Committee of Ministers E. Nol'de, headed the Second Department of the Foreign Ministry. Both V. Gessen and B. Nol'de had good positions in the leadership of the Constitutional Democratic Party. In the Union of October 17, commonly known as the Octobrist Party, former officials also occupied a prominent position. The budgetary commission in the Third Duma and the Fourth Duma was headed by M. Alekseenko, former trustee of the Kazan and later Kharkov educational district. V. Anrep, formerly a trustee of the Kharkov and later St Petersburg educational districts, was the chairman of the Commission on Public Education in the Third Duma. An important role in the faction was played by E. Bennigsen, formerly an official for special assignments under the Governor-General of Finland. A. Girs, head of the Press Department of the Ministry of Foreign Affairs and director of the St Petersburg Telegraph Agency, had certain authority among the leaders of the Union of October 17. E. Kovalevsky, a retired official for special assignments under the Minister of Public Education, was a permanent speaker on public education issues. G. Lerkhe, who had previously held the post of senior inspector of the State Bank, played an important role in A. Guchkov's entourage. Among the leaders of the Union of October 17 were the former director and chairman of the Council of the

¹⁸ V.A. Obolenskii, *My Life, My Contemporaries. Memories. 1869–1920* [in Russian], introductory article and commentary by K.A. Solov'ev, vol. 1 (Moscow: Kuchkovo Pole, 2017), 160–87.

St Petersburg Telegraph Agency L. Polovtsev. Chairman of the Third Duma N. Khomyakov worked as director of one of the departments in the Ministry of Agriculture and State Property a few years before getting his Duma post. Subsequently, S. Shidlovsky, one of the leaders of the Octobrist Party, worked in the same position.¹⁹

There were many people with experience in public service in the Duma. There were 40 (out of 497) members with such experience in the Duma of the first convocation, 34 (out of 491) in the second convocation, 86 (out of 486) in the third, and 107 (out of 422) in the fourth. The growth in their number is quite obvious, which clearly shows the development of the people's representation in the Russian Empire. In terms of the number of deputies with experience in public service, the Octobrists quite predictably took the lead (62 people). Then followed the Kadets (39 people), the moderate-rightists and the nationalists (38 people), and the right-wingers (16 people), etc. The absolute majority of these deputies had legal education.²⁰

In other words, bureaucrats (past or present) with a law degree occupied a prominent place not only in the bureaucratic hierarchy (which is more than natural) but also in the social movement. They governed the country and at the same time opposed those who were in power.

The universities only contributed to this. At the end of the 19th century, their most prominent representatives were breaking away with the positivist tradition. They offered students a new understanding of the phenomena of law and legitimacy. A new language of jurisprudence was being formed, which implied the possibility of radical political movements. Famous lawyer E. Spektorskii explained his difficulties in life, which he periodically faced before the revolution, by the fact that he did not “give in” to P. Novgorodtsev (a professor at Moscow University) and L. Petrazhitsky (a professor at St Petersburg University) in matters of legal theory, where they were considered to be recognized coryphaei.²¹ The most notable figures in the history of Russian jurisprudence in the early 20th century were the students of either the former or the latter. The schools of Novgorodtsev and Petrazhitsky markedly diverged in their assessments but had much in common. In both cases, it was a matter of a fundamental rejection of the positivist tradition of reading law, which cannot be reduced to a simple set of material norms. Law is much more than that. One could

¹⁹ K.A. Solov'ev, “Bureaucracy versus Bureaucracy. Paradoxes of Government Service in the Late 19th Century – Early 20th Century Russia” [in Russian], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 144 (2) (2017): 116–17.

²⁰ Solov'ev, *Political System of the Russian Empire*, 131–32.

²¹ E.V. Spektorskii, *Memoirs* [in Russian], ed. E.V. Tkachenko (Ryazan: Chekhovskii Pechatnyi Dvor, 2020), 148. See also K.A. Solov'ev, *Vyborg Proclamation. Theory and Practice of Passive Resistance* [in Russian] (Moscow: Kuchkovo Pole Museon, 2021), 209–10, 268–69.

appeal to human psychology, to the latest achievements of physiology, refer to the ideological quest of the last century, to the rapidly changing ideas of mankind about the ideal. A lawyer who accepted one or another point of view became not a legal expert but almost a philosopher who understood justice in his own way and did not exclude political changes, even most radical ones.²²

The university formed a style of thinking, a point of reference for the evaluation of a civil servant, an axiomatic position for a legal scholar. The peculiar model of lawyer's behavior determined the direction of the continuous flow of daily decisions made by all authorities, e.g., the Governing Senate, which was charged with the duty of becoming the “guardian of laws.” Members of that institution were experienced lawyers (the average age was 54 years) rather than young people. They had knowledge and professional skills but little hope for further promotion. Hardly anyone doubted that they had a good education. In 1917, there were 65 senators. Among them, 38 had received a university education, 24 had graduated from the School of Jurisprudence, and three had graduated from the Imperial Lyceum in Tsarskoe Selo.²³ Members of the high assembly knew much but counted on little. That fact untied their hands and gave them the right to independent judgment. Senator A. Kil'shtein recalled:

I personally know the instances when the attempts of the “spheres” to influence a decision. . . not only failed but even threatened to ruin the just cause. That is why, while frequently and continuously fulfilling the duties of Procurator General, I stated categorically to all seekers and intermediaries that the required or requested “pressure,” if it was to have any result, would only have a result opposite to the desired one.²⁴

That was a widespread point of view. In particular, N. Pokrovsky testified that

despite the fact that the Senate is very constrained by the procedure for dealing with complaints against ministries, there is nevertheless a popular belief that it is only through the Senate that one can enforce one's rights.²⁵

²² Spektorskii, *Memoirs*, 210–11, 274–80.

²³ A.G. Kil'shtein, “Memuary” [Memoirs]. F. 564, op. 1, d. 402, l. 7. Gosudarstvennyi Arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation] (GARF), Moscow, Russia.

²⁴ *Ibid.*, ll. 6 ob.–7.

²⁵ N.N. Pokrovskii, “Obsolete Bureaucratic Practices (On the Reform of the Governing Senate)” [in Russian], *Russkaya Starina*, vol. 144, no. 11 (1910): 363. A.N. Kulomzin recalled: “Here, I cannot but pay a fair tribute to the Senate. First of all, most senators were extremely conscientious in studying the cases to be decided by them. Rarely would you meet a senator who comes to a session, being unfamiliar with the cases or having studied them only superficially. And the cases were complicated to the extreme: there were testimonies of witnesses about the borders fixed and

The departments of the Senate were very efficient. Despite all his inescapable criticism, A. Polovtsov held the First Department and its senators in high esteem. On October 22, 1881, he wrote in his diary:

[V.A.] Artsimovich presides with great conscientiousness and diligence. [F.M.] Markus is an extremely intelligent man, always talking business. [A.A.] Saburov scrutinizes cases and almost reports them, although he is obviously not used to judicial administrative proceedings. [M.F.] Gedda, with his terrible shrewdness and endless doubts, delays the debate but of course deserves full respect.²⁶ (The initials added by the author. – *Ed.*)

Polovtsov rarely gave benevolent assessments. He was an attentive, intelligent, but angry observer. Nevertheless, he “spared” many of his colleagues in the Senate. In December 1882, Polovtsov spoke highly of N. Abaza, K. Peters, G. Prebsting, and A. Shumakher. He wrote:

The sessions are long and tedious, but the general impression of them is extremely gratifying; cases are dealt with thoroughly, in good faith, impartially; senators study their cases beforehand.²⁷

The senators were not the only ones who thought so. The oldest institution in the Russian Empire had a good reputation. However, sometimes there were questions about this or that appointment to the Senate.²⁸ Discontent was caused by obvious ministerial protégés. Sometimes of them were odious former governors in whom it was difficult to suspect outstanding lawyers.²⁹ The minister often appointed honored

described in the old way “from the crooked birch to the fox den, and then to the straight fir tree and then to the robber’s den,” etc.; legal subtleties about the degree of kinship to the participants of rebellions and about the parts of the heritage for the distant relatives of such participants; about the calculation of the terms when exactly the estate was confiscated, whether it was covered by one or another manifesto. Another highly honourable feature of the Senate is to always vigilantly protect private interests against the claims of the Treasury” (See A.N. Kulomzin, *Experiences. Memoires* [in Russian], comp. K.A. Solov'ev (Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2016), 346).

²⁶ A.A. Polovtsov, *Diary. 1859–1882* [in Russian], comp. O.Yu. Golechkova, S.V. Kulikov, and K.A. Solov'ev, vol. 2, 1878–1882 (Moscow: Fond “Svyaz' Epokh”, 2022), 449–50.

²⁷ Polovtsov, *Diary*, 493–96.

²⁸ Nevertheless, according to Senator V. Bezobrazov, most of his colleagues adhered to the principle of legality in the late 1880s (See V.P. Bezobrazov, “Diary of Academician V.P. Bezobrazov” [in Russian], *Russkaya starina*, no. 5 (1913): 271). Of course, not all senators had the same disposition. For example, Baron I. Velio believed that “the affairs of the Senate were not worth a bean” (See Bezobrazov, *Diary of Academician V.P. Bezobrazov*, 272).

²⁹ “Pis'mo E.M. Feoktistova M.N. Katkovu” [Letter from E.M. Feoktistov to M.N. Katkov]. F. 1718, op. 1, d. 8, l. 33 ob. GARF.

officials to the office as a kind of reward. For them, service in the Senate was not a value in itself. Moreover, sometimes, by proposing a candidate, the Minister hoped to get rid of an undesirable employee. As a result, the best representatives not always were selected for the work in the Senate.³⁰ And yet, the former “masters of governorates” rarely became “soloists.” “The first fiddle” was played by the jurists with experience and sometimes even talent. They were not afraid to go against ministerial requirements and they were not dismissed despite departmental intrigues.³¹ The ministers could only grumble about that. On December 25, 1904, K. Pobedonostsev wrote to S. Witte:

What is the Senate Nowadays? A gathering of court officials turning over the letter – the letter of laws not brought to any unity – and the engine of everything is an attorney at law.³²

Yet in this case we should not generalize. Each department of the Senate had its own laws. In the fourth department, the civil one, decisions were mainly prepared by the chancellery. Senators only approved them. In the cassation departments, the case was different. The chancellery performed only technical functions there. The burden of decisions was placed on senators.³³ According to E. Bennigsen, only two cassation departments worked successfully. All the others worked extremely slowly and not very efficiently. As a rule, a significant amount of work was entrusted to ober-secretaries and their assistants. Despite their obviously high qualifications, they (unlike senators) were totally dependent on the Minister of Justice. Ober-secretaries, in their turn, often subordinated hoary senators to their will:

It was them who anecdotes were told about. When they were woken up to vote, they declared that they agreed with the opinion of Ivan Ivanovich and Pyotr Petrovich, to which they received the answer that both of them had died a long time ago.³⁴

³⁰ E.P. Bennigsen, *Notes* [in Russian], vol. 1, 1875–1917 (Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnkovykh, 2018), 477–78. See also S.M. Shakhrai, and K.P. Krakovskii, *Court of Law, Fast, Fair, Merciful and Equal for All. To the 150th Anniversary of Judicial Reform in Russia* [in Russian] (Moscow: Kuchkovo pole, 2014), 182.

³¹ “Pis'mo E.M. Feoktistova M.N. Katkovu” [Letter from E.M. Feoktistov to M.N. Katkov]. F. 1718, op. 1, d. 8, l. 33 ob. GARF.

³² “Pis'mo K.P. Pobedonostseva S.Yu. Vitte 25.12.1904 g.” [Letter from K.P. Pobedonostsev to S.Yu. Witte dated December 25, 1914]. F. 1622, op. 1, d. 351, l. 1. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive], St Petersburg, Russia.

³³ B.L. Gershun, *Memoirs of a Russian Lawyer* [in Russian] (Moscow: Statut, 2023), 36.

³⁴ Bennigsen, *Notes*, 477–78.

The meetings of the departments of the Governing Senate were rather brief. They started at about 1 PM and completed their work at 4–5 PM. First of all, the so-called cases with opposing parties were heard. Sessions were held in a small and rather gloomy hall, the only decoration of which was a royal portrait. Under the portrait there was a semi-circular table for judges. Four senators were usually present. On the right there was the desk of the prosecutor general, and on the left there was the secretary's desk, the "holy of holies," where case files and volumes of the Code of Laws were placed. Opposite the judge's desk there were chairs for the public and lawyers. In the middle of the room were lecterns for speakers. At 1 PM, a courier announced the beginning of a hearing. Representatives of the opposing parties entered the room. A hearing was thus open. After debates, audience left the room. A speaker, a clerk of the chancellery, proposed a draft resolution. Most of the time, the head senator agreed with it. Occasionally, however, there were disagreements. Hypothetically, senators could reject the prepared resolutions.³⁵ Much depended on the personal qualities of individuals involved in the hearing.³⁶

According to B. Gershun, a lawyer who served at that institution for some time, the senators had a special "legal psychology," characteristic of the legal corporation as a whole. They were indifferent to the formal side of the case and at the same time tried to be as just as possible. They tried to understand the essence of the case as good as possible and, contrary to expectations, did not pay much attention to the legal justification of the decision, which had to be carefully and competently prepared.³⁷ B. Gershun, a young official of the Senate, had a lot of work to do. He dealt with up to 60 cases every month. Some of them required special legal research. By necessity, the young man learnt different branches of law, completely unknown to him previously.³⁸ In some ways, that work resembled the work of a young lawyer, an official of the State Chancellery: it was the same mastering of unique law-making skills and involvement in the adoption of the most important government decisions.³⁹

The Senate apparatus acted according to its own principles. Everyone had to reckon with them. For example, the Fourth Department received a complaint from the "Zawiercie" Joint-Stock Company. The company's shareholders hoped to engage in cotton cultivation in Central Asia but were refused by the local court in obtaining the right to own immovable property. The court decision was given a simple explanation. The management board of the joint-stock company was located in Łódź, Congress Poland, and its owners were Polish businessmen Lubomirski and Jewish businessmen Poznański. The purchase of real estate in the countryside in that part of the empire

³⁵ Gershun, *Memories of a Russian Lawyer*, 44–45.

³⁶ Gershun, *Memories of a Russian Lawyer*, 43.

³⁷ Gershun, *Memories of a Russian Lawyer*, 46.

³⁸ Gershun, *Memories of a Russian Lawyer*, 45–46.

³⁹ Solov'ev, *Political System of the Russian Empire*, 166–80.

was prohibited to Poles and Jews. B. Gershun, who prepared the draft decision on that issue, proposed to reject the ruling. Firstly, the court was not authorized to verify the legal capacity of the buyer, and secondly, the buyer was a legal entity, which was in no way restricted by law from purchasing any real estate. The prepared decision was approved by ober-secretary A. Brandt. Gershun was summoned to Procurator General P. Kobylinsky, who said the following:

Formally, you are right of course, but don't you see that the case is rather political in nature? I would advise you to approve the ruling, otherwise we will be in trouble, for there will be a protest from the Minister of War. Write another draft.⁴⁰

Gershun was indignant, Kobylinsky did not insist. The senators approved the prepared draft. Then, as Kobylinsky had anticipated, the Minister of War protested. Accordingly, the case was moved to the general meeting of the judicial departments of the Senate. Before the general meeting began, the senators of the Fourth Department held a private meeting. They discussed whether it was necessary to go back on their decision and agree with the Ministry of War. In the end, it was decided to stick to the previously made decision.

The general meeting was held in a huge hall. The seats at the desk were pre-reserved for certain senators. There were about twenty of them. "There appeared the elders who definitely rose from the grave." Procurators General P. Kobylinsky and E. Pribyl'sky sat separately. Unexpectedly for many in the hall, a general decorated from head to toe appeared. It was N. Obruchev, chief of the General Staff. It was no secret that he had come for the sake of the "Zawiercie" Joint-Stock Company. That case was the first to be heard. Obruchev took the floor and said:

I reported the matter to the emperor, and he agreed with the opinion of the Minister of War. It is inadmissible that such a harmful element as Jews and Poles should penetrate into our Central Asian possessions even under the guise of a joint-stock company.⁴¹

Not only did he speak, but he also threatened the senators, tapping with the hilt of his sabre. Obruchev did something that no one before him had dared to do. He referred to the opinion of the emperor, thus putting pressure on the Senate. Silence reigned in the hall. Slowly a tall figure arose. It was N. Gerard, head of the Fifth Department. He spoke clearly but softly:

⁴⁰ Gershun, *Memories of a Russian Lawyer*, 47.

⁴¹ Gershun, *Memories of a Russian Lawyer*, 48.

The highest commands are to be announced in accordance with the procedure established by law. This procedure is quite inconsistent with the communication of the representative of the Ministry of War on the opinion expressed to him by the sovereign. If it had pleased His Majesty to declare his will to change the existing laws in this case, His Majesty would have found the way established by law for the expression of such a separate law, and then the Governing Senate and the judicial authorities in general would not have had to deal with this case. The emperor obviously did not want to change the existing laws in this case, and therefore, as a loyal subject of His Majesty, the Senate considers it his duty to reckon with the existing laws, as the legal procedure (he emphasized these words) expressed by the highest will. . . As for the considerations of political nature communicated by the representative of the Ministry of War, they have no place in the hall of the general meeting, which decides matters according to law. However, Your Excellency, perhaps you know little about Poles and Jews, and therefore you are mistaken. I am a landowner in the South-Western region, and I am constantly dealing with both Jews and Poles. They are hard-working honest people who enliven the region with their initiative and efficiency. There are as many harmful exploiters among them as among us, but the broad mass of Jews and Poles does not deserve such an opinion as we have just heard.⁴²

Obruchev blushed, stood up, sat down again. The roll call vote began. The majority favored the protest of the Ministry of War. “Well, you and I have failed brilliantly,” Kobylinsky said to Gershun without any malice.⁴³

The Senate periodically demonstrated its “temper.” Senators followed the logic they had learnt at university. They proceeded from their own understanding of legality and protested when they felt that someone was trying to manipulate them. For instance, later the civil cassation department of the Senate resisted attempts of Minister of Justice I. Shcheglovitov to influence the process of decision-making. Senators resented the fact that the head of the department expected to play the role that was unusual for him.⁴⁴

Conclusion

Senators, employees of the Senate, lawyers, prosecutors, judges, legal advisers and many other members of the legal profession belonged to the same legal corporation. Moreover, they were often the same people following common principles.⁴⁵ The very diversity of legal professions is the polyphony necessary for such a corporation to exist. Individuals with different experiences, skills, serving both the state and society,

⁴² Gershun, *Memories of a Russian Lawyer*, 49.

⁴³ Gershun, *Memories of a Russian Lawyer*, 50.

⁴⁴ Solov'ev, *Political System of the Russian Empire*, 170.

⁴⁵ Shakhrai, and Krakovskii, *Court of Law*, 294.

were united by similar ideas about law and their own functions. And the corporation itself did change. The proportion of those who served the public did invariably grow. At the end of the 19th century, there were not too many lawyers in Russia. In 1897, there were 8.9 thousand notaries, attorneys at law, and private attorneys, i.e., qualified lawyers who were not directly involved in the state service.⁴⁶ Obviously, lawyers made up only a fraction of them. At the outbreak of the First World War, there were considerably more attorneys at law: in 1916, there were already 6,000 attorneys at law and 5,800 their assistants. A considerable part of them worked in the capitals (1,900 in St Petersburg and 2,400 in Moscow) and in other big cities (2,900).⁴⁷ That was largely due to the fact that any company and any enterprise needed a legal adviser. Demand gave birth to supply. By the beginning of the 20th century, there had already appeared the “proletariat of lawyers.”⁴⁸

Among attorneys at law, there were those who had made a political name for themselves, but that was rather an exception to the rule. According to B. Gershun, a lawyer's work required too much time to have hours left for public and political service. It was something a lawyer might have thought about closer to the end of his career rather than at its dawn or in zenith. For that reason, most of famous attorneys at law were far from any political activity.⁴⁹ The legal corporation was predominantly engaged in its professional business. However, even that was already very much. Lawyers in every possible legal role wrote, edited, interpreted, and defended the law. In fulfilling their duties, they were in one way or another making law and thus exercising power.

Список литературы

Берендтс Э.Н. Влияние судебной реформы 1864 г. на государственный и общественный быт России // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Петроград: Сенатская типография, 1914. Т. 2. С. 707–793.

Бурдые П. *Nomo academicus* / перевод с французского С.М. Гавриленко и др. Москва: Издательство Института Гайдара, 2017. 464 с.

Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – 90-х годов). Москва: Мысль, 1970. 444 с.

Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. Москва: Мысль, 1971. 368 с.

Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. Москва: Мысль, 1981. 285 с.

⁴⁶ Leikina-Svirskaya, *Intelligentsia in Russia*, 90.

⁴⁷ V.R. Leikina-Svirskaya, *Russian Intelligentsia in 1900–1917* [in Russian] (Moscow: Mysl', 1981), 78.

⁴⁸ Gershun, *Memories of a Russian Lawyer*, 206.

⁴⁹ Gershun, *Memories of a Russian Lawyer*, 114–15.

Нольде А.Э. Отношение между судебной и административной властями и судьба основных начал Судебных Уставов в позднейшем законодательстве // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Петроград: Сенатская типография, 1914. Т. 2. С. 481–706.

Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). Москва: Политическая энциклопедия, 2017. 903 с.

Соловьев К.А. Бюрократия versus бюрократия. Парадоксы государственной службы в России в конце XIX – начале XX вв. // Новое литературное обозрение. 2017. № 144 (2). С. 113–121.

Соловьев К.А. Выборгское воззвание. Теория и практика пассивного сопротивления. Москва: Кучково поле Музеон, 2021. 320 с.

Соловьев К.А. Идея самодержавия (конец XIX – начало XX вв.) // Философия. 2018. Т. 2, № 2. С. 48–69.

Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. Москва: Политическая энциклопедия, 2018. 351 с.

Тарановски Т. Судебная реформа и политическая культура царской России // Великие реформы в России. 1856–1874 / под редакцией Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. Москва: Издательство Московского университета, 1992. С. 301–316.

Тарановский Ф.В. Догматика положительного государственного права во Франции при старом порядке. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1911. 633 с.

Тельберг Г. Влияние судебной реформы на науку права // Судебная реформа / под редакцией Н.В. Давыдова, Н.Н. Полянского. Москва: Объединение, 1915. С. 354–380.

Томсинов В.А. Правовая культура // Очерки русской культуры XIX века: в 6 т. / под редакцией Л.Д. Дергачевой и др. Москва: Издательство Московского университета, 2000. Т. 2. Власть и культура. С. 102–166.

Уортман Р.С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России / перевод с английского М.Д. Долбилова, Ф.Л. Севастьянова. Москва: Новое литературное обозрение, 2004. 517 с.

Уортман Р.С. Николай II и образ самодержавия // Реформы или революция? Россия, 1861–1917: материалы Международного colloквиума историков / под редакцией В.С. Дякина и др. Санкт-Петербург: Наука, 1992. С. 18–30.

Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 2. / перевод с французского И. Окуневой. Москва: Праксис, 2005. 320 с.

Христофоров И.А. Великие реформы: истоки, контекст, результаты // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: в 4 т. Т. 3. Вторая половина XIX – начало XX вв. / под редакцией В.В. Шелохаева. Москва: Политическая энциклопедия, 2016. С. 14–183.

Шахрай С.М., Краковский К.П. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех. К 150-летию Судебной реформы в России. Москва: Кучково поле, 2014. 534 с.

References

Berendts, E.N. “Vliyanie sudebnoi reformy 1864 g. na gosudarstvennyi i obshchestvennyi byt Rossii” [Influence of the 1864 judicial reform on the state and society in Russia]. In *Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 g. za pyat'desyat let* [Judicial Statutes of November 20, 1864 for fifty years], vol. 2, 707–93. Petrograd: Senatskaya tipografiya, 1914. (In Russian)

Bourdieu, P. *Homo academicus*, translated from French by S.M. Gavrilenko et al. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2017. (In Russian)

Foucault, M. *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu* [Intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews], pt. 2, translated from French by I. Okuneva. Moscow: Praksis, 2005. (In Russian)

Khristoforov, I.A. “Velikie reformy: istoki, kontekst, rezul'taty” [The great reforms: origins, context, results]. In *Reformy v Rossii s drevneishikh vremen do kontsa XX* [Reforms in Russia from Ancient Times to the end of the 20th century], 4 vols., vol. 3, *Vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.* [Second half of the 19th – beginning of the 20th century], edited by V.V. Shelokhaev, 14–183. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2016. (In Russian)

Leikina-Svirskaya, V.R. *Intelligentsiya v Rossii vo vtoroi polovine XIX veka* [Intelligentsia in Russia in the second half of the 19th century]. Moscow: Mysl', 1971. (In Russian)

Leikina-Svirskaya, V.R. *Russkaya intelligentsiya v 1900–1917 godakh* [Russian Intelligentsia in 1900–1917]. Moscow: Mysl', 1981. (In Russian)

Nol'de, A.E. “Otnoshenie mezhdru sudebnoi i administrativnoi vlastyami i sud'ba osnovnykh nachal Sudebnykh ustavov v pozdneishem zakonodatel'stve” [Relations between judicial and administrative powers and the fate of the basic principles of Judicial statutes in the later legislation]. In *Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 g. za pyat'desyat let* [Judicial statutes of November 20, 1864 for fifty years], vol. 2, 481–706. Petrograd: Senatskaya tipografiya, 1914. (In Russian)

Rostovtsev, E.A. *Stolichnyi universitet Rossiiskoi imperii: uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [The metropolitan university of the Russian Empire: Professorial class, society and power (second half of the 19th – early 20th century)]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2017. (In Russian)

Shakhrai, S.M., and K.P. Krakovskii. *Sud skoryi, pravyy, milostivyy i ravnyy dlya vsekh. K 150-letiyu Sudebnoi reformy v Rossii* [Court of law, fast, fair, merciful and equal for all. To the 150th anniversary of judicial reform in Russia]. Moscow: Kuchkovo pole, 2014. (In Russian)

Solov'ev, K.A. “Byurokratiya versus byurokratiya. Paradoksy gosudarstvennoi sluzhby v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv.” [Bureaucracy vs. bureaucracy. Paradoxes of government service in the late 19th century – early 20th century Russia]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 144 (2) (2017): 113–21. (In Russian)

Solov'ev, K.A. “Ideya samoderzhaviya (konets XIX – nachalo XX vv.)” [The notion of tsarist autocracy at the end of the 19th – beginning of the 20th century]. *Filosofiya*, vol. 2, no. 2 (2018): 48–69. (In Russian)

Solov'ev, K.A. *Politicheskaya sistema Rossiiskoi imperii v 1881–1905 gg.: problema zakonotvorchestva* [Political system of the Russian Empire in 1881–1905: The problem of law-making]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2018. (In Russian)

Solov'ev, K.A. *Vyborgskoe vozzvanie. Teoriya i praktika passivnogo soprotivleniya* [Vyborg Proclamation. Theory and practice of passive resistance]. Moscow: Kuchkovo pole Muzeon, 2021. (In Russian)

Taranovski, T. “Sudebnaya reforma i politicheskaya kul'tura tsarskoi Rossii” [The judicial reform and political culture in tsarist Russia]. In *Velikie reformy v Rossii. 1856–1874* [Great reforms in Russia. 1856–1874], edited by L.G. Zakharova, B. Eklof, J. Bushnell, 301–16. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1992. (In Russian)

Taranovskii, F.V. *Dogmatika polozhit'nogo gosudarstvennogo prava vo Frantsii pri starom poryadke* [Dogmatics of positive state law in France under the old order]. Yur'ev: Tipografiya K. Mattisena, 1911. (In Russian)

Tel'berg, G. “Vliyanie sudebnoi reformy na nauku prava” [The impact of the judicial reform on the science of law]. In *Sudebnaya reforma* [Judicial reform], edited by N.V. Davydov, and N.N. Polyanskii, 354–80. Moscow: Ob"edinenie, 1915. (In Russian)

Tomsinov, V.A. “Pravovaya kul'tura” [Legal culture]. In *Ocherki russkoi kul'tury XIX veka* [Essays on the nineteenth-century Russian culture], 6 vols., edited by L.D. Dergacheva et al., vol. 2, *Vlast' i kul'tura* [Power and culture], 102–66. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2000. (In Russian)

Wortman, R.S. “Nikolai II i obraz samoderzhaviya” [Nicholas II and the image of autocracy]. In *Reformy ili revolyutsiya? Rossiya, 1861–1917: materialy Mezhdunarodnogo kollokviuma istorikov* [Reforms or revolution? Russia, 1861–1917: Proceedings of the International Colloquium of Historians], edited by V.S. Dyakin et al., 18–30. St Petersburg: Nauka, 1992. (In Russian)

Wortman, R.S. “Vlastiteli i sudii: Razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoi Rossii” [The development of a Russian legal consciousness], translated from English by M.D. Dolbilov, and F.L. Sevast'yanov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. (In Russian)

Zaionchkovskii, P.A. *Rossiiskoe samoderzhavie v kontse XIX stoletiya (politicheskaya reaktsiya 80-kh – 90-kh godov)* [Russian autocracy at the end of the 19th century (political reaction in the 1880s – 1890s)]. Moscow: Mysl', 1970. (In Russian)

Информация об авторе

Кирилл Андреевич Соловьев – доктор исторических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0003-0932-8048>, kirillsol22@yandex.ru, Европейский университет в Санкт-Петербурге (д. 6/1 А, ул. Гагаринская, 191187 Санкт-Петербург, Россия); НИУ «Высшая школа экономики» (д. 20, ул. Мясницкая, 101000 Москва, Россия).

Information about the author

Kirill A. Solov'ev – Doctor of Historical Sciences, Professor, <https://orcid.org/0000-0003-0932-8048>, kirillsol22@yandex.ru, European University at St Petersburg (6/1 A, ul. Gagarinskaya, 191187 St Petersburg, Russia); HSE University (20, ul. Miasnitskaia, 101000 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 04.10.2023; одобрена после рецензирования 07.11.2023; принята к публикации 17.05.2024.

The article was submitted 04.10.2023; approved after reviewing 07.11.2023; accepted for publication 17.05.2024.